Для семейного чтения

Евгений Хохряков

Шах и Машка

Повесть

Художник **Никита Валуев**

ИРКУТСК
2017

УДК 821.161.1-93
ББК 84 (2=411.2) 6-45
Х 86

Хохряков Е.М.
Х 86 **Шах и Машка,** – Иркутск:
ООО «Консалтинговое агентство «Бизнес ПР», 2018. – 82 с. : ил. – (Для семейного чтения).

ISBN 978-5-6040371-1-9

«Шах и Машка» – повесть иркутского писателя Евгения Хохрякова продолжает серию «Для семейного чтения». В неё входят сборник рассказов «Приключения Серёги и его друзей», повести «Звезда упала на ладонь», «Битва за крепость или золото Колчака», сказки «Путешествие Тяпы и Ляпы», «Боцман Сарма» и «Девочка по имени Кошмар». Последняя книга стала лауреатом VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

Всё творчество писателя пронизано добротой. У него нет отрицательных персонажей. А если появляются неблаговидные поступки некоторых героев, то они тут же чётко, но ненавязчиво осуждаются. Автор так естественно доносит свою нравственную позицию, что никто не видит в этом нравоучений. Читатели понимают – так делать нельзя, и любое, даже незначительное зло, всегда должно быть наказанным. Справедливость и любовь – вот фундамент всех поступков героев книг Евгения Хохрякова.

Достоверность интонации писателя, его умение восстановить точную картину детских взаимоотношений позволяют рекомендовать книгу родителям, бабушкам и дедушкам для совместного прочтения с детьми.

УДК 821.161.1-93
ББК 84 (2=411.2) 6-45

© ООО «Консалтинговое агентство «Бизнес ПР»

Появление Шаха

Мать Санькина купила ему новую книгу про животных. В ней было очень много картинок. Там были и дикие животные, и домашние. Очень полезная штука.

Сегодня Саня пришёл ко мне с этой книжкой, как и договаривались. Мы уселись на диван. К нам тут же с одной стороны запрыгнула наша Анька, кошка, которая жила с нами, наверное, столько же, сколько и я живу. С другой стороны в ноги улёгся Шах. Он вырос уже в порядочную псину. Зимой старался жить дома. Сколько мать его не гоняла на улицу, он там делал такой несчастный вид, что у матери таяло сердце, и она его сразу запускала в квартиру.

Санька отодвинул Шаха чуть в сторону, на что тот глухо и недовольно пробурчал.

– Серый, а ты помнишь, как этот наглец у вас появился? – спросил Саня, крутанув у Шаха хвост.

Шах лениво клацкнул зубами, пугая Саню, и нагло вытянул лапы в половину дивана, поджимая хвост под себя.

Ещё бы я не помнил! Это целая повесть о том, как щенок прижился у нас, и как он жил и живёт до сих пор.

Мы сидели со Светкой за столом и играли в «чапаева». Я всё время выигрывал, а Светка хлюздила: то пальцем шашку подтолкнёт, то перевернёт её незаметно.

Нет, хуже некуда с девчонками в «чапаева» играть! Только нервов одних целую телегу испортишь. Хотел я уж ей по затылку заехать, но тут дверь открывается и в дом мама входит. И несёт что-то под мышкой. Мне сначала показалось, что котёнка. Я ещё подумал – зачем нам вторая кошка, когда одна у нас уже есть? А мама дождевик сняла и ставит на пол... щенка! Нас из-за стола как ветром сдуло. Это же надо – щенок! Теперь у меня будет своя собака!

– Вот, – говорит мама, – подобрала на улице. Стоит, бедняга, один, а вокруг целая свора собак. Загрызли бы. Пришлось отнять. Пусть у нас живёт. Вы как, не возражаете?

Ну, взрослые иногда как спросят, хоть стой, хоть падай. Кто же от собаки отказывается?! Мы как закричали со Светкой «ура!», мама даже уши ладонями закрыла. А этот пёс сразу лапы раздвинул и лужу у двери учинил.

– Это он со страху, – говорит мама.

– Конечно, – согласился я, – тут любой испугается, если столько собак на тебя нападёт.

– Да нет, – улыбнулась мама, – это он вас испугался. Уж слишком вы жутко орёте. Кто только за ним прибирать будет? Если одна я, то я его тут же назад отнесу.

– Чур, не я! – ответила Светка и присела у щенка. – У меня посуда.

Посуда, предположим, и у меня есть. Я её каждый день мою. Ну и что с того? Менять же собаку на

какую-то посуду – это бред настоящий! Поэтому я ничего не стал говорить, а взял тряпку у двери и стал подтирать лужу. А щенок потоптался чуть-чуть и поковылял к печке. Идёт, а его из стороны в сторону так и заносит. И худущий же он был. Все рёбра видать. И раскраска интересная – в клетку. Я таких никогда не видел. Клетка рыжая, клетка чёрная. Как доска шахматная, на которой мы в «чапаева» играли.

Только я лужу подтёр, а Светка уже схватила щенка и на диван с ним уселась. Сидит, люлькается с ним. Меня прямо злость взяла – как убирать, так я, а как играть, так она?! Нет уж! Надо по-честному. И вообще, нечего собаку по рукам таскать. Это не кошка. Собака должна воспитываться в строгости. Поэтому я у Светки стал щенка отбирать. А та не отпускала. Так мы с ней и разодрались. Я её за косу схватил, а она меня за чуб. У меня даже слёзы на глаза навернулись. Больно же! Тут мама в комнату заходит и говорит:

– Если вы не прекратите, я унесу щенка!

– А чего он дерётся? – кричит Светка.

– А ты чего чужого щенка хватаешь? – кричу я. – Как прибирать, так тебя нет. И вообще, собаки – это не девчоночье дело.

– Ну, хватит! – прикрикнула на нас мама. – Хватит, говорю! Как не стыдно! Ещё собаке имя не придумали, а уже делите. – И забрала у Светки щенка к себе на колени: – Садитесь, лучше имя придумывать будем.

Я ещё на всякий случай пихнул Светку в бок и к маме уселся. Светка с другого бока примостилась.

Думали мы, думали, потом Светка спрашивает:

– Мам, а это девочка или мальчик?

Мама посмотрела на щенка и отвечает:

– Мальчик, по-моему.

– Ну, тогда давайте и назовём его Мальчиком, – предлагает Светка.

– Нашла имя! – фыркнул я. – Пусть будет лучше Джульбарс. Я из него потом овчарку сделаю.

– Овчарка из него не получится, – засомневалась мама, – это, кажется, лайка.

И погладила щенка. И мы тоже погладили. А он свернулся у мамы на коленях, положил голову ей на руку и дрыхнет. Только время от времени вздрагивает и ногами перебирает. Словно бежит куда-то.

– Это ему снится, как его собаки дерут, – пояснила мама. – А я предлагаю назвать его Шариком. Ведь если это лайка, он потом пушистым станет и толстым, как шарик. Чем не имя, а?

– Да ну-у, – протянула Светка. – У нас Шариков половина посёлка. Пусть будет Гаврош.

Это она недавно по радио постановку слушала о Гавроше. Я тоже слушал. Имя, конечно, ничего себе. Но я хотел сам придумать. И вот смотрел я, смотрел на щенка, ничего интересного в голову не шло. Потом случайно на стол взглянул, а там доска шахматная. Как раз как щенок, в клетку. Я и говорю:

– Давайте назовём его Шахматы. Ни у кого такой клички нет.

Светка на меня дико взглянула и давай пальцем у лба крутить. А мама спрашивает:

– А почему Шахматы?

– А потому, что он как доска шахматная – в клетку.

Тут мама на стол посмотрела, на щенка, потом на меня и рассмеялась.

– Тогда пусть уж лучше будет Шах, а? Тоже имя шахматное, но и царское одновременно. Властный, сильный. Как вы думаете?

Мне эта кличка сразу понравилась. Потому что почти я её придумал. И потому что она короткая и красивая.

А Шах продолжал спать и не знал, что теперь у него есть имя.

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ ШАХА

Шах быстро освоился в доме. Уже через две недели он стал круглым. Ещё бы не стать таким! Мать его с утра покормит, в обед мы со Светкой свои тарелки к нему сплавим. Потом Вовка с Санькой придут, печенья приволокут или Светкины подружки конфет натащат. Он только успевал переваривать. А что не успевал, то под диван носом запихивал. Про запас. Мама говорила, что он так ест потому, что до этого

наголодался. Вот и не верит, что всё это ему и никто у него ничего не отнимет.

Теперь после школы мы с Вовкой и Сашкой всё время пропадали у меня дома. Даже про домашние задания иногда забывали. Дошло до того, что мама снова пригрозила отнести Шаха на улицу. Но мы этому не слишком поверили.

Больше всего мы любили играть с Шахом в мячик. Сядем втроём, Санька, Вовка и я, на пол, ноги расставим и давай мячик катать. А Шах за ним носится. И смешно на него тявкает. Поймает мячик, пузом на него ляжет, а тот из-под него – круть! И Шах носом в пол. Потом снова вскочит и за мячом. Хочет зубами ухватить, а тот большой, не даётся. Вот Шах и начинает рычать и сердиться. Припадёт на передние лапы, хвост задерёт и заливается. А нам того только и надо.

– Хорошая собака получится, – говорит Вовка. – Охотничья. Видишь, как здорово лает!

– Ага, – согласился Санька. – Его надо будет сразу на белку учить охотиться. Или на соболя. На дерево загонит, тут мы с ружьями. Бах! – и вот тебе добыча.

Мы захотели тут же начать учить Шаха. Вовка залез на диван с мячиком, я оттащил щенка за шиворот, а потом командую:

– Ищи, Шах, ищи!

Тот головой вертит, ничего понять не может.

– Рано, – говорит Санька, – наверное, маленький он ещё.

– Ничего не рано, – уперся Вовка. – Если хочешь знать, собак с самого детства учить надо. А то пустобрех вырастет. Ты его, Серёга, мясом корми и на верёвку сажай, чтобы злей был.

– Ты лучше с дивана слезь, – посоветовал я. – И мячик Шаху отдай. Не видишь – не хочет он сегодня учиться.

Мы ещё немного погоняли мячик, потом Шах устал и улёгся посреди комнаты спать. А мы пошли надувать шарики, потому что завтра был праздник Первое Мая. Нам надо было много шариков надуть, на всю нашу октябрятскую звездочку. Это Витя, наш вожатый, всем задания раздал: кому цветы клеить, кому флажки делать, а нам шарики надувать. Мы на сборе решили, что наш третий «Б» должен быть самым красивым в колонне.

Я взял у мамы из шкатулки нитки, чтобы завязывать шарики, и мы приступили к работе. Надували, надували, аж голова кругом пошла. А их всё мало.

– Это ж сколько надо воздуху, чтобы все надуть, – говорит Вовка.

– Много, – отвечает Санька. – Ты лучше дуй, не спрашивай. А то мы так и до ночи не справимся.

– Ребята, а что если нам насос велосипедный приладить? – спрашиваю я. – Быстрее будет, наверное.

– Вот здорово! – закричал Вовка, которому порядком надоело это занятие.

Притащили мы насос, вставили трубочку в шарик и давай качать. А шарик ни с места. У него бока то надуются, то сдуются. Один шип получается. И ничего больше. Мы, видимо, громко насосом шипели, потому что Шах проснулся и к нам пришёл. Увидал он, что на полу сплошные мячики катаются, и ну за ними прыгать. Лапой ударит, шарик как подпрыгнет, Шах за ним, а мы со смеху под стол свалились. Удержу нет, как хохочем. А Шах всё пуще за шариками носится. Такую кутерьму поднял, что наша кошка Анька на печке проснулась.

Голову вниз свесила и смотрит так презрительно: дурень, мол, малахольный. Что с него взять?!

Тут, глядим мы, Шах поймал шарик за пипку. Удалось! Морду поднял, а она у него через резину зелёная, как у жабы. Мы уже и смеяться не можем – стонем. Шах давай головой мотать. Шарик болтается, по ушам ему хлопает, щенок по комнате с ним носится, пытается зубами крепче перехватить.

– Счас бахнет, – пообещал сквозь смех Вовка. – Вот увидите.

А Шах как раз надумал лапами шарик удержать. Ляпнул сверху по нему, тот ка-ак бабахнет!

Ой, что тут было! Анька бедная с печки сверзилась и кастрюлю на себя опрокинула. Шах на задницу уселся, головой вертит, понять ничего не может – только что шарик был тут, в зубах, а сейчас лишь зелёная тряпка осталась. Обиделся он ужасно. Рыкнул на остатки шарика и пошёл к дивану. А мы сипим уже, сил нет не только смеяться, но и говорить.

Потом Санька отдышался и говорит:

– Вот это собака! Шарик как из пушки лопнул, а пёс и не испугался. Не, Серёга, охотничий пёс! Чес слово!

Будто я и сам не знаю. Отхохотались мы, стали доделывать, что не успели. Шах у дивана лежит, на нас подозрительно смотрит. И на шарики ноль внимания.

Сделали мы всё, Вовка предлагает:

– Чо, погоняем мячик?

А нам чего-то не хочется, надоело. Решили на улицу идти, а то скоро вечер, а мы всё дома сидим.

– Ну, не хотите, как хотите, – сказал Вовка и пнул мячик в комнату.

Шах словно этого только и ждал. Свечкой взмыл в воздух. Потом навалился грудью на мячик. И заурчал. Мы сначала ничего не поняли – чего это он вдруг? Потом глядим, а мячик вдруг стал съеживаться. Шах на него сверху давит, а тот всё морщится и морщится. Я схватил щенка за шиворот, хотел оттащить, а мячик вместе с ним едет. Это ещё что такое? Оторвал я всё-таки щенка от мячика, гляжу, а в мяче рваная дырища!

– Вот это пёс! – восхищённо закачал головой Вовка. – Всем псам пёс. Это же надо – мячик прогрызть. Даже я такое не смогу! Эх, мне бы такого пса! – позавидовал он. – Я бы из него человека сделал!

А я стоял и гладил Шаха. Как же, ему бы такого! Нетушки, мой Шах самый лучший.

Второй подвиг Шаха, или как он заболел

Вот наконец-то каникулы!

Наш боевой третий «Б» в полном составе выскочил на крыльцо школы и заорал такое «ура», что стаю голубей будто волной смыло с крыши.

Нет, вы не представляете, что такое каникулы! Это же, это же... Да что там объяснять?! Каникулы – это каникулы, и всё!

Я мчался через весь посёлок, зажав табель в руке и размахивая им как флагом. За мной нёсся Вовка, а где-то за ним пыхтел Саня. Мы с Вовкой вихрем взлетели на крыльцо, рванули дверь в дом и с порога закричали:

– А у нас-то пятёрочки! А у нас-то пятёрочки!

Мама сидела на корточках возле печки. На наш крик она обернулась и сказала:

– Тише, тише, не надо так громко.

Мы опешили. Как тише, когда у нас каникулы?! У человека, можно сказать, настоящие каникулы, а ему говорят «тише»? А мама говорит:

– Шах заболел.

У меня внутри всё так и замерло. Как заболел?! Да разве собаки болеют? Это же тебе не люди. Мы забыли о табелях и каникулах, кинулись к печке так, что даже лбами с Вовкой стукнулись. А тут дверь открывается, и Санька появляется на пороге:

– Ур-а-а-а! – кричит. – Каникулы!

Мы на него зашикали, руками замахали, он обалдел, головой закрутил и тоже к печке подскочил.

Шах лежал на своей подстилке и тяжело дышал. Я потрогал его носик – он был сухой и горячий. Вовка тоже потрогал и посмотрел на меня. Санька говорит:

– Это ещё ничего не значит. Может, он чего объелся и теперь спит.

– Сам ты спишь! – сказал Вовка. – Много ты понимаешь. Это самый тот признак, что собака заболела. Да же, тётя Валя? – он посмотрел на маму. Та кивнула головой:

– Правильно, Вова. Только я вот не знаю, что с ним.

А Шах открыл глаза и стал смотреть на нас. Глаза у него такие тоскливые были, что у меня в носу защипало и плакать захотелось. Я начал гладить щенка по голове и приговаривать:

– Шах, Шахчик, тебе больно? Чо у тебя болит? Ты скажи, мы поможем. Шахчик мой, не болей, а?

Тут, я слышу, Санька носом захлюпал, жалко ему собаку стало. Как будто нам её не жалко.

– Хватит ныть, – разозлился Вовка. – Нытьём тут ничего не сделаешь. Надо врача звать.

– Это ты правильно говоришь, – сказала мама и пошла звонить по телефону. Она долго с кем-то разговаривала, а мы в это время всё гладили Шаха. Потом решили его поить. А он головой крутит и не хочет воду пить.

Вдруг дверь открывается и влетает Светка. Табелем размахивает. Радостная. Но мы ей эту радость разом подпортили. Собака тут еле дышит, а она орёт как оглашенная. Светка сразу в слёзы, давай Шаху конфету развертывать. Глядим, он конфетку лизнул пару раз и глаза закрыл. И вздохнул тяжело.

– Всё, помер! – всхлипнул вдруг Санька.

– Я тебе сейчас помру! – вскинулся Вовка. – Чо ты всё каркаешь, Саня?! Просто глаза закрыл пёс. Устал от тебя.

Из комнаты вышла мама.

– Вот что, – говорит. – Шаха надо марганцовкой поить. Мне сказали, что, скорее всего, он отравился. Ему надо желудок промыть. Сейчас мы растворчик сделаем и будем лечить.

Мы все бросились в кухню помогать маме. Я чайник с водой схватил. Вовка ложку из буфета достаёт, Светка зачем-то полотенце притащила, а Санька стакан держит. Мама принесла какую-то коробочку, а в ней порошок. Тёмный и мелкий-мелкий. Она его чуть-чуть в стакан бросила, потом воды туда налила, и вода стала розовая-розовая. Совсем как газировка «Барбарисовая». Вовка даже спросил:

– А нам пить её можно?

– Если отравишься, придётся, – улыбнулась мама. – Только не советую этого делать, отравляться.

Пошли мы Шаха лечить этой «газировочкой». Глядим, а возле него сидит наша кошка Анька. Смотрит так на псину неодобрительно. Наверное, думает, что тот представляется, чтобы такую розовую водичку выпросить. Ей-то не дают. Я Аньку ногой отодвинул и поднял Шаха себе на колени. А он тяжёлый, и живот у него, как мячик, раздутый. Упругий. Ну, всё понятно – точно отравился. Анька недовольно хвостом крутанула и ушла

в комнату. А мы стали поить Шаха. Мама ему пасть руками разжимает, Вовка ложкой марганцовку вливает в глотку. Пёс глотать не хочет, выплёвывает её. Напоили кое-как, уложили на подстилку. Светка полотенцем его вытерла и укрыла тряпками своими.

– Ну вот, – говорит мама. – Теперь Шаха надо поить через каждые два часа.

Мы тут же вызвались это делать, потому что очень хотели, чтобы Шах побыстрее выздоровел. Мама подумала и согласилась. Вовка с Санькой быстренько домой сбегали, отпросились у своих родителей и прибежали ко мне ночевать.

Мы перетащили Шаха в спальню и стали дежурить. Вовка всё норовил почаще поить щенка, думал, что тот так быстрее поправится. Но мама заругалась и поставила нам часы, чтобы мы по ним следили.

Мы только два раза успели щенка напоить, как он вдруг начал вставать. Санька хотел не пускать его. Думал, что это у него всё равно что постельный режим. Между прочим, противная штука. Лежишь себе целый день, и никуда сбегать нельзя. Поэтому мы на Саньку закричали, чтобы он над собакой не издевался и отпустил того побегать. Потому как неизвестно ещё что лучше для собаки – лежать или бегать. По нам, так лучше бегать.

А Шах наш встал, посмотрел на нас осоловело, чуть отошёл от подстилки и... сделал огромную лужу!

– Видишь? – говорит Вовка.– А ты не хотел отпускать его.

– Вижу, – отвечает виновато Санька. – Откуда я знал?

– Откуда, откуда, – передразнил я его. – Знать надо, не маленький.

Шах ещё подальше отошел и... наделал такую кучу, что нас оторопь взяла. А тому хоть бы что. Развернулся и пошёл себе, как будто и не болел вовсе. И на нас ноль внимания.

Светка увидела такое дело да как заорёт:

– Мама, а Шах опять нагадил!!!

– Чо орёшь?! – зашикали мы на неё, потому что мама не любила, когда Шах дома пачкал. – Уберём сейчас.

Но тут вошла мама. Увидела Шахову беду и не рассердилась ни капельки.

– Ну, значит, дело на поправку пошло! – говорит. – Это хорошо.

Из кухни Анька заявилась. Покрутилась возле маминых ног, хвост задравши, потом уселась и стала глядеть на Шаха. А мама почему-то ещё раз посмотрела на Шаховы дела, потом вышла из комнаты и скоро снова вернулась.

– Та-ак, – говорит, – Шах. А теперь расскажи – из-за чего твоя болезнь приключилась?

Мы так на маму опасливо посмотрели – что это с ней? А она продолжает:

– И не стыдно тебе, а? Я тебя спрашиваю, собака паршивая!

А Шаху словно всё до лампочки. Улёгся возле дивана и щурится.

– Ещё и щурится! – возмутилась мама. – Бесстыдник! Вы знаете, что он натворил? – спрашивает она нас.

– Не-а, – хором ответили мы.

– Я сегодня Шаху и Аньке купила рыбы. Дала им по куску. Остальное в сени положила. Так вот этот оболтус нашёл пакет и всё слопал! И никакое у него не отравление было. Он просто нагло обожрался! Это же надо – два килограмма рыбы съесть!

Мы уставились на Шаха. Да, это собака! Слопать два килограмма рыбы, и хоть бы что. Так это он, выходит, лежал отдувался, а мы-то лечили его! То-то он пить не хотел. Не в куда пить было. А Шах лежал и на нас добродушно поглядывал. Наверное, он так и не понял, что мы его лечили. Думал, что мы его после рыбы отпаиваем. Ну и псина!

Шах-мухолов

Мы с Вовкой сидели на веранде и делали мушки. Собрались завтра идти с утра за хариусами. А хариус, известное дело, на мушку жадный. Шах рядом валялся и теребил кончик лески. Он подрос изрядно, вытянулся, и хвост у него колечком стал завиваться. Большая псина получилась.

А мушки у нас выходили на загляденье. Мы у моей мамы ниток набрали шерстяных, у петуха хвост обкорнали и сидим, крючки обвязываем. Мушка – она ведь пушистой должна быть, чтобы по воде скользила, а не тонула. Работа эта тонкая, потому как рыба не дура, она сразу подделку увидит.

Я на Вовку погляжу – он сидит, язык высунет и будто им помогает. Но помалкиваем, говорить некогда. Сделаем мы так мушку и на занавеску вешаем.

Шаху надоело леску теребить. Встал он, потянулся, головой вертит – что бы ещё такого поделать? А мы ноль внимания – не до него. Он покрутился, покрутился у ног, сходил Аньку обнюхал, что на пороге грелась. Та на него пошипела чуть-чуть, чтобы отстал. Совсем щенку заняться нечем. Тоска зелёная.

И тут до Шаха муха докопалась. Летает вокруг и жужжит. Шах одно ухо поднял и давай за мухой следить. А та ему взяла да и на нос села. Шах как зубами клацкнет! Мы даже вздрогнули, так он громко щелкнул.

А мухе хоть бы что. Опять вокруг летает. Шаху это здорово не понравилось. Он сначала гавкнул на неё. А что ей «гавк», она, может быть, и не слышала его. Так, шум один. Тогда Шах улёгся на пол, уши навострил и следит за мухой. Та полетала, полетала и снова захотела на Шаха сесть. Понравился он ей, что ли? Заходит она на посадку на ухо Шахово. Только примостилась, Шах лапой как даст по уху, муха вверх взвилась и была такова. Мы работу бросили, смотрим, как щенок

с мухой воюет. А тот злиться начал. Муху по веранде гоняет.

– Он щас всё здесь перевернёт, – говорит Вовка.

– Не перевернёт, – отвечаю я.

А муха взяла да и села на торшер, что в углу веранды стоял. Шах с размаху прыгнул на неё, торшер – кряк! – и на Шаха. Тут он вообще взбесился: носится по веранде, лает, лапами абажур с головы срывает, на всё натыкается. Бросились мы с Вовкой собаку спасать, стащили абажур. Шах сел и ошалело башкой вертит – то ли муху ищет, то ли в себя после торшера прийти не может. А муха исчезла куда-то, не жужжит больше.

Ну, всё, подумал я, теперь успокоится. А Шах вертел головой, вертел и узрел что-то. Уставился так внимательно, уши опять навострил, голову то влево, то вправо наклоняет. Потом припал на передние лапы, тихонько гавкнул и стал подкрадываться к окну. Мы с Вовкой сначала не поняли, что такое он заметил, куда крадётся. И вдруг видим, наш Шах как рванёт на занавеску, где мушки наши висели. Подпрыгнул, зубами за край тюля уцепился и дерёт его книзу. Здесь уж не до шуток стало. Подскочили мы с Вовкой как заполошенные: «Он же сейчас крючков наглотается, и каюк ему придёт!»

Схватили Шаха и давай у него занавеску отнимать. А тот не отпускает, треплет из стороны в сторону. Занавеска оборвалась и накрыла Шаха с головой. Мы вообще перепугались. Я Шаха за пасть схватил и стал зубы

ему разжимать, Вовка занавеску тянет. Тут Шах выпустил её, я только выпрямился, а он снова рванулся и... завизжал! Глядим, а у него одна мушка на носу повисла. Вонзилась в самый кончик и висит как настоящая муха. Шах от неожиданности сперва подпрыгнул, потом давай по носу скрести. Навалились мы на щенка, зажали ему лапы, Вовка крючок из носа одним рывком и выдернул. Шах взвыл, как пароходная труба, а потом заскулил – больно!..

– Ничего себе хариус попался, – перевёл дух Вовка.

– Да, – говорю, – это тебе уже как таймень, а не хариус.

– А мушечки у нас получились что надо, – говорит Вовка. – Даже Шах ошибся. Завтра с рыбой будем.

– Запросто, – согласился я.

А Шах лежит на полу и нос лапой трёт.

Не стали мы пока привешивать занавеску на место – вдруг Шах опять прыгать задумает. Сели снова мушки делать. И слышим – муха тут как тут. Вновь жужжит. Бьётся в стекло и жужжит. Мы на Шаха поглядели. Тот голову поднял, на муху смотрит. А сам ни с места.

– Умная псина, – обрадовался я. – Одного раза хватило.

Но тут Анька, что всё это время на шкафу от кутерьмы пряталась, возьми и спрыгни прямо на подоконник. Умостилась там, потом лапой махнула и придавила муху в уголке рамы. Как и не было той. А сама оглянулась на Шаха, хвостом пару раз дёрнула и в окно уставилась. Что, мол, с этого дурня возьмёшь? Даже муху и ту поймать не может. А ещё собака!

ШАХ И МАШКА

Мы с Санькой собирались пойти за грибами. На Динамитке, говорили, уже появились маслята. А тут Санька книжку приволок про грибы и давай доказывать, что если маслят ещё нет, то вполне можно собирать молодой дедушкин табак. И в книжку тычет – мол, вполне съедобный гриб. Но что-то у нас никто такие

грибы в жизни не собирал. Пообещал я Саньку накормить его грибами, если не отстанет, и сговорились мы пойти с утра пораньше – пока народу в тайге мало.

Но вернувшаяся вечером с работы мама такую новость сообщила, что я не только про грибы забыл, но и про всё на свете.

Подходит она ко мне и невинно так спрашивает:

– Серёжка, хочешь завтра со мной на голец поехать? На всю неделю?

Ну, разве можно когда-нибудь понять этих взрослых?! Так спокойно и просто спрашивает: «Хочешь ли?» Хотел бы я пацана того посмотреть, который бы на голец отказался ехать! Разве ненормальный какой-нибудь…

Я так от радости завопил, что Анька с печки спрыгнула, а Шах из комнаты прибежал и вокруг меня начал носиться. Давай мы с ним обниматься и радоваться. Ему ведь тоже хочется на голец. Это тебе не по посёлку гонять, на собак соседских брехать. Это же настоящая тайга. Там и медведи есть.

– Мам, а медведи на гольце есть? – спрашиваю я.

– Есть, – отвечает мама и загадочно улыбается. – А ты что, испугался?

Ну и сказанула! Да кто летом медведей боится?! Они летом никого не едят. Вот зимой – это да. Если медведя зимой разбудить, он всех пожрёт. Такой злой спросонья.

Весь вечер мы собирались в дорогу. Я целый рюкзак набил. Правда, мама почти всё из него потом выбросила. Говорит, зачем тебе на гольце удочки и машинки?

Странный человек. Что там, речки рядом, что ли, нету? Но с мамой лучше не спорить. Ещё не возьмёт с собой. Я просто крючки в карман сунул. И леску.

Светку мы оставили у бабы Зины, соседки, а сами утром поехали на голец. Посадили нас в кузов грузовика. Там, конечно, тоже хорошо ехать, с мужиками, только вот ничего не видно. Дорога пылит, а над головой и по бортам сплошь брезент. Мама сразу с мужиками специальный разговор затеяла, про всякие там скважины, буры и другое. А мы с Шахом улеглись на мешки и незаметно уснули.

Проснулись, когда машина уже остановилась. Обидно стало – всю дорогу продрыхли, ничего не видели.

Голец – это гора такая, лысая наверху. Там ни одного кустика на вершине, лишь плитняк серый, и мох белый. Ягель. Его лошади не едят, а только олени. Но у нас олени не водились.

Мы до самой лысины не доехали, а остановились на склоне. Тут стояли четыре домика, у самого леса. И мачта высокая с антенной. И ещё вышка. А на ней трубы. И мотор эти трубы крутит. А они в землю врезаются. Я сразу побежал к вышке смотреть, как трубы землю сверлят. Мама кричит мне:

– Серёжка, сначала поешь иди!

Какая там еда! Я что, за этим сюда приехал?! Шах за мной несётся, хвост кольцом закрутил. Пробежали мы уже почти мимо всех домиков, как вдруг Шах как затормозит, шерсть у него на загривке дыбом встала,

и он зарычал. Я тоже затормозил. Чего это он? А Шах повернулся и к крайнему домику помчался. Я за ним. Потому что, если я потеряюсь, он меня сразу найдёт, а если он – как я его искать буду? Это же не наш посёлок.

Подбежали мы к домику, и тут я увидел... медведя! Самого настоящего медведя. Только маленького. Он лежал возле завалинки и банку из-под сгущёнки грыз. Шах голову к земле пригнул, набычился, хвост дыбом, клыки скалит и рычит. А я стою, весь обмер. Ну, как этот медведь сейчас с банкой закончит и меня начнёт жрать?! Хоть он и маленький, но и я не большой. Как раз ему под силу. Слопал же Шах два килограмма рыбы. А тоже маленький был.

Медведь вдруг встал, заурчал и к нам пошёл. Шах отскочил от него и лаем залился. Броситься боится, кругами наяривает, потом к моим ногам прижался. А у меня в глазах потемнело. Всё, думаю, сейчас медведь меня есть начнёт.

Тут из домика мужик выходит. Увидел нас и засмеялся.

– А я-то думаю, кто тут шум-гам поднял. А это Серёжка с Шахом прибыли. Да вы не бойтесь. Это Машка. Она уже ручная. Четвёртый месяц, как без мамки живёт. Погибла мать-то её, – и мужик подошёл к нам. А я всё равно стою и молчу. Кто его знает, какая она ручная, эта Машка. Может, это она к нему ручная, а ко мне вовсе даже и нет, откусит чего-нибудь.

– А мы вас давно ждём. Валентина Яковлевна всё обещалась ещё на той неделе нагрянуть.

Валентина Яковлевна – моя мама. Она, старший геолог, ей все эти мужики подчиняются.

Это что же получается? Значит, мать целую неделю знала, что сюда поедет, что здесь есть медведь, а мне не говорила?! Мне до того обидно стало, что я чуть не заплакал. Только вот мужика стыдно. А он говорит:

– Ну, давайте знакомиться. Я дядя Гриша, а это Машка. Вас мы знаем, наслышаны про ваши подвиги.

Это всё мама. Наверное, наговорила глупостей с три короба.

Шах к моей ноге жмётся, дрожит весь, но лаять не перестаёт.

– Ишь ты, – говорит дядя Гриша и Шаха хочет по голове погладить. Тот зубами, не глядя, клацнул – дядя Гриша еле руку успел отдёрнуть.

– Молодец! Только ты к хозяину-то не жмись, не жмись. Нападать надо на зверя, хозяина защищать. И ты, Серёга, не бойся Машку. На, возьми сахару и дай ей. Она это дело страх как любит. – Он достал из кармана куртки большой кусок колотого сахара и протянул мне. – Умеешь зверей кормить?

Я головой кивнул, сахар взял, положил на раскрытую ладонь, а дать Машке боюсь. Как будто руку кто к боку привязал. А медведь стоит рядом с нами и смотрит спокойно. И на Шаха вообще внимания не обращает. Ждёт, пока я ему сахар дам. Тогда дядя Гриша взял мою руку и вперёд вытянул. Машка носом в ладонь ткнулась. Он у неё тёплый, а язык шершавый-шершавый, как бумага наждачная, и горячий. Слизнула она сахар, похрустела чуть и снова смотрит – ещё просит.

– Ну, вот и познакомились, – сказал дядя Гриша. – Теперь надо Шаха знакомить.

Вытащил он снова сахар из кармана, взял Шаха на руки и подносит к самому медведю. Шах рвётся из рук, царапает дядю Гришу. А тот приговаривает:

– Молодец, Шах, умница. Хорошая собака, – и сахар медведю суёт.

Я тоже подошёл немного, встал за дядю Гришу и стал Шаха по голове гладить. Но тот всё равно шерсть ерошил и рычал. А Машка его всего обнюхала, даже лизнула в нос. Этого Шах вытерпеть не мог, рванулся и выскочил из рук. Кувыркнулся на земле, отбежал от нас, сел и обиженно залаял.

– На первый раз хватит, – сказал дядя Гриша. – Ничего, за неделю подружатся. А потом вы медвежонка в посёлок повезёте. В Иркутск отправлять надо. В цирк. Поедешь, Машка?

Медвежонок голову задрал и на дядю Гришу уставился. Тот засмеялся, взял медведя за загривок, и мы пошли чай пить. А Шах на улице остался.

Мама на гольце с утра уходила с геологами в тайгу, а мы – я, Шах, Машка и дядя Гриша – оставались на базе. Дядя Гриша работал на вышке. Она называется «буровая». Потому что землю буравит, опуская в неё длиннющие трубы. Потом их достают из земли, из труб вынимают камни и песок и смотрят, есть ли в земле слюда. Дяде Грише помогал ещё один механик, они целыми днями работали. Так что нам никто не мешал и мы делали всё, что заблагорассудится.

С Машкой мы быстро подружились. Она оказалась добродушной и весёлой. Я её перестал бояться, потому что она ещё и попрошайкой была жуткой. Подойдёт ко мне и носом в руку тычется – сахар выпрашивает. А

Шаху понравилось её за хвост кусать. Хвост у Машки был малюсенький, сразу даже и не заметишь его. Шах подкрадётся сзади, куснёт за хвост и дёру. Машка рыкнет, крутанётся на месте, лапами замашет, а Шах уже далеко, заливается радостно – что, мол, взяла?!

А ещё мы каждый день ходили за шишками. Знаете, как с Машкой ловко шишки добывать. Шишки ещё зелёные, но если их сварить в котелке или запечь в костре, то вкуснятина лучше не придумаешь.

Пойдём с утра в лес. Шах бурундуков гоняет, а мы с Машкой ищем кедр с шишками. Найдём его, я Машке говорю:

– Давай, Машка, покушаем!

Той два раза повторять не надо. Сразу уцепится лапами за ствол и вверх. Да так шустро, совсем как

монтёр на столб электрический залазит. Заберётся на самый верх и давай ветки с шишками обламывать. А мы их внизу с Шахом собираем. Наберём побольше и зовём Машку вниз. А она не хочет спускаться. Тогда мы делаем вид, что домой пошли. Она видит такое дело, шурсть вниз и вот уже тут, на земле, за нами ковыляет. Ходит она так интересно – как баба с коромыслом, переваливается с боку на бок. Идёт, идёт, вдруг муравейник найдёт и давай его рыть. Он для нее как для нас мороженое. Мне мама говорила, что муравейники разорять нельзя, муравьи полезные. А Машка ведь этого не понимает. Тогда я Шаху на Машку показываю, он подкрадывается к ней, за хвост – тяп! – и бежать. Машка вякнет недовольно и трусцой за Шахом.

Так мы целую неделю и жили привольно. Жаль только, что Саньки с Вовкой не было с нами. Вовку родители к родственникам отправили, а Саньку мать не отпустила – она за него боится: Санька хоть и толстый, но часто болеет. Вот она и беспокоится, понятное дело.

Я за неделю кучу всяких красивых камней насобирал для школьного музея. А однажды даже золото нашёл. Пошли мы втроём рыбу ловить – на ручей в распадке. Шах с Машкой в нём сразу купание устроили, всю рыбалку мне испортили. Я с ними немного побегал, потом решил крепость из песка построить. Песок в ручье белый, чистый-пречистый. Сначала сухой идёт, а потом, когда углубишься, темнеет и мокреет. И вот гляжу, блеснуло что-то. Я ладошкой зачерпнул песок,

вытаскиваю на солнце, а наверху, на кучке, крупинка жёлтая лежит и блестит блеском. У меня так всё и захолонуло внутри – золото! Мы в музее видели его. Оно точно таким же было, что и у меня на ладошке.

Вот это находка! Ну, думаю, мама обрадуется! Это же почище слюды будет. Сбегал я домой, притащил миску алюминиевую и давай песок промывать. Я в кино видел, как старатели в лотках золото мыли, и стал так же действовать.

Сижу, рою песок и мою его в ручье. А крупинок всё больше и больше. Тут Машка с Шахом увидали, что я что-то рою, примчались ко мне, давай помогать. Шах прямо с головой в песок ушёл, так зарылся. Высунет голову, посмотрит на меня недоумённо – что тут искать? – и снова роет. А Машка рядом возится, будто берлогу себе копает. До самого вечера мы золото мыли. Потом прихожу я к маме в избушку да как бухну миску на стол. А в ней золото! Ну, думаю, сейчас мама обрадуется. А она взяла шепотку крупинок, посмотрела их на свет, подула зачем-то и говорит:

– В ручье нашёл?

– Да! – отвечаю я гордо.

– Молодец! – похвалила мама. – Только это не золото. Это...

И она такое мудрёное слово сказала, что я до сих пор выговорить не могу. Это минерал такой, иногда рядом со слюдой встречается. Я сначала расстроился,

а потом подумал: ну и пусть не золото, всё равно интересно!

А через день мы уезжали на Колотовку. После обеда за нами пришла машина. Мы уложились, дядя Гриша надел на Машку ошейник и цепочку и дал её мне:

– Держи Серёга, – говорит. – Ты ей сегодня будешь за хозяина. Так что бывай здоров! Приезжай ещё!

А мне так не хотелось уезжать. Вот бы все каникулы на гольце прожить! Саньку с Вовкой сюда, построили бы шалаш и жили как индейцы. Я даже поплакал тихонько в кузове, чтоб никто не видел.

Шах и Машка улеглись у моих ног и заснули. Они всю дорогу так и продрыхли: Машка на боку, а Шах ей голову положил на лапу и посапывал, как на перине. А я всё переживал, что мы уезжаем и неизвестно, попаду ли я ещё хоть раз на голец. И тут же решил стать геологом. Как моя мама.

Выгружались мы возле конторы. Только я спрыгнул из кузова, а за мной Шах с Машкой, как со всех сторон, со всего рудника, наверное, к нам примчались собаки. Окружили нас и стали лаять на Машку, рваться к ней.

Самые смелые почти набрасывались на неё. Машка от такого приёма ошалела, прижалась к забору и дрожмя дрожит. Сидит, глазами маленькими лупает, не понимает, за что на неё злятся. Она же ничего такого не сделала?! Я тоже к забору прижался и не знаю, что делать. Мама с шофёром пошли в контору. Оставалось только пропадать.

А собаки всё наглели и наглели. Шах поначалу только огрызался да порыкивал, а потом не выдержал: видит, что нас зажали со всех сторон, и озлился напрочь. Как киданётся на самого большого пса. Тот от неожиданности даже сел. Никак не ждал, что щенок может так нагло бросаться на взрослых псов. А потом как схватит Шаха за загривок, да как крутанёт в воздухе. Тот всеми лапами замахал и шмякнулся метра за два. Визжит, но вскочил и снова на собак ринулся. Я стою, рот раскрыл, смотрю, как мой Шах с настоящими собаками дерётся. Совсем как взрослый пёс.

Вдруг меня как дёрнул кто-то, я чуть не упал. А это Машка Шаху на помощь пошла. Рычит, словно взаправдашний медведь, волочёт меня на цепи за собой. Тут уж я благим матом заорал. Это что же такое делается?! Если Машка лапами махать начнёт, то и мне конец придёт. Или собаки нечаянно загрызут – они ж разбираться не станут. А чтоб цепь отпустить, у меня ума не хватило. Так и еду по земле за Машкой.

На мой крик из конторы люди выскочили. За ними мама. Бегут, кричат, руками машут. А нам уж не до них. У нас настоящий бой идёт. Собаки по мне, как по земле, носятся. Машка их и зубами рвёт, и лапами. Я вслед за ней мотаюсь. Моего Шаха завалил огромный пёс, и ухо ему отгрызает. Тот уже и визжать не может, один писк стоит, но лапами рвёт псу брюхо. Потом вдруг всё стихать стало, кто-то вырвал у меня из рук цепь, за плечи поднимает. Тут мама налетела, стала ощупывать меня,

а сама плачет и целует. А у меня ни одной царапины, только штаны на коленке порвал. Зато у Шаха ухо совсем загнулось и кровь капает. Машка рядом стоит и ухо ему зализывает. И время от времени на собак порыкивает – те в отдалении встали и не уходят.

Мы привели себя в порядок. Мама взяла Машку на цепочку, и мы пошли домой в сопровождении всей стаи.

Вечером за Машкой приплыл катер. Мы долго прощались с медвежонком, а Шах лежал у её ног и никого посторонних не подпускал. Пришлось маме увести его в конуру, а на Машку надеть намордник, потому что, когда Шаха уводили, она сразу забеспокоилась, заурчала, хотела идти вслед за ним. Но тут рабочие взяли её очень крепко за цепь и повели на катер. Мы со Светкой бежали по берегу и плакали. Потому что хоть и говорила мама, что мы будем приезжать в Иркутск, в цирк, смотреть Машку, но Иркутск далеко, а Машки рядом больше не будет...

Шах два дня ничего не ел, всё Машку искал. Оставит чашку свою, ходит по двору и землю нюхает. Потом поскулит, поскулит и ляжет возле конуры. Он вдруг стал таким взрослым, что мама взяла и привязала его на цепь. И прицепила к проволоке, которую мы протянули через весь двор.

Машку мы больше так и не увидели. Может, она и в самом деле в цирке выступала, а может, сбежала. Вот бы она пришла к нам! Как бы здорово мы зажили – Шах, Машка и я...

Третий подвиг Шаха, или как он тумана победил

Когда Вовка вернулся от родственников, я рассказал ему про голец, про Машку, про то, как Шах с собаками дрался, какой он смелый и сильный. Вовка здорово жалел, что не ездил со мной на голец, не видел медвежонка, как Шах дрался. А ещё я рассказал, что Шаха тот пёс победил. И мы тут же решили учить Шаха драться. В самом деле, что это за дела, если твою собаку побеждают всякие посторонние псы?

Отцепили мы Шаха и давай с ним бороться. А он не хочет с нами драться. Прыгает, как глупый, лижется, и всё. Тогда Вовка говорит:

– Давай, Серёга, бери его за передние лапы. Будем учить подножку делать.

Поднял я Шаха за передние лапы, а Вовка его за заднюю как дёрнет! Шах ляпнулся на землю. Лежит, понять ничего не может. Это что за дела такие? Он с нами играет, а мы его об землю шмякаем? Соскочил и на нас с тявканьем. Мы только этого и ждали. Гоняется он за нами по двору, а мы – то Вовка, то я – улучим момент, когда он подпрыгнет, хвать его за заднюю лапу и на землю. Шах поначалу только пуще прежнего прыгал. А потом понял, что его легко и просто побарывают, и стал задние лапы широко ставить. Только мы его хотим за лапу дёрнуть, а он в сторону – прыг!

– Получается! – заорал Вовка. – Скоро совсем научится!

А Шах в это время подскочил к нему, за ногу схватил да как дёрнет! Вовка на землю загремел.

– Ничего себе! – обрадовался я. – Вот это даёт!

– Ага, – говорит Вовка. – Тебе даёт, а я чуть не расшибся. Он мне всю ногу разодрал. – И штанину задирает. А там точно царапина здоровущая. У самой щиколотки. Вовка на неё посмотрел, послюнявил, и ему сразу расхотелось Шаха учить.

– Ну его, – говорит, – дозлим, сожрёт к бесу.

Шах вокруг носится, доволен. Гляжу, он на меня искоса поглядывает. Оценивает так. Не успел я ничего сообразить, как тоже на земле оказался. Сижу, за ногу схватился. А Шах над нами стоит, ухмыляется. Во всю пасть.

– Ага, – обрадовался Вовка, – так тебе и надо. Научили на свою голову.

Пока мы до крыльца добирались, Шах ещё не раз пытался за щиколотки нас схватить. Теперь мы уже в сторону отскакивали да ноги поджимали, а не он. Загнал нас Шах на крыльцо и разлёгся внизу, язык вывалил. Потом давай лапой по земле стучать: чего, мол, вы? Пошли, ещё поборемся.

– Как бы не так! – сказал Вовка. – Не дождёшься. Иди вон с собаками борись, нашёл дурачков.

Да, ученичок нам попался! Вот и тренируй таких. Потом тебя же и съедят.

И надо было такому случиться, что у Ревякиных, соседей наших, в это время здоровенная псина – Туман с цепи сорвался. Бегает Туман по улице, обрывком цепи гремит, на всех кидается. За минуту всю улицу очистил. Он дурной, хозяева его почти не кормят и всё время на цепи держат. Вон он такой злой и получился.

Мы с Вовкой на крыльце сидели, от Шаха отмахивались. У Ревякиных дома никого нет, все на работе. У нас тоже, только мы с Вовкой. Да ещё Шах по двору носится. Он как услыхал Туманов брех, так сразу и стал носиться. Подбежит к забору, встанет на задние лапы и в ответ гавкает. Или голову под калитку засунет – у него там целая нора прорыта. Его же мама тоже иногда на цепь сажает. Вот он себе отдушину и вырыл, чтобы на собак лаять.

А Туман услыхал, что Шах лает, и к нам. Мы глазом моргнуть не успели, как он одним махом перелетел через забор и остановился перед Шахом. Пасть ощерил, шерсть за загривке задралась, и слюна капает с клыков. Рычит злобно. Он выше Шаха был и здоровее. Мы как увидели такое дело, заорали на него, чтоб со двора уматывался. Туману хоть бы что. Стоит, злится, вот-вот на Шаха бросится. Вовка в Тумана палку кинул, да толку никакого. А Шах ни капельки не испугался. Не стал ждать, пока на него кинутся, сам вперёд рванул. Сшиблись они, только пыль столбом пошла. Ну, всё, решили мы, заест Туман Шаха. Куда же тому устоять против такого взрослого кобеля. Визг во дворе, рёв,

пыль клубится. Потом из этой пыли Туман выскочил, за ним Шах. Опять у него ухо повисло и кровь сочится. Не везёт Шаху с этим ухом, откусят когда-нибудь.

Мы сидим на перилах, не знаем, чем помочь собаке: вниз спустишься, Туман нас самих съест и не подавится. Зверюга зверюгой. Кричим только сверху на него. Да что толку с нашего крика? Собаки и не слышат нас, собой заняты.

Туман начал кругами вокруг Шаха ходить, готовиться к прыжку. А тот снова не стал ждать, опять вперёд рванул. И они опять сшиблись, и опять в пыли покатились. Но на этот раз первым выскочил Шах. Весь такой напружиненный, уши вдоль головы прижал, и пасть не хуже Тумана щерит. Тут мы одну вещь интересную приметили: когда Шах кидается, он не лает. Просто рыкнет, и всё. Это он уже потом визжит, от боли.

Туман снова начал свои круги кружить, но уже осторожнее стал, не рыпается. И тут мы обалдели: Шах снова прыгнул вперёд, но в последний момент пригнул голову и ухватил Тумана за заднюю лапу. Точь-в-точь, как мы его учили. Мы с Вовкой чуть с крыльца не свалились от восторга: «Вот это пёс!»

А Шах рванул Туманову лапу со всей силы. Тот, не ожидая такого приёма, кувыркнулся вверх лапами. И здесь Шах вцепился ему в глотку. Мы только хрип услыхали. Не сговариваясь, пулей слетели вниз и помчались к собакам. Шах рвал Туману глотку, всё сильнее вгрызаясь в шкуру. Туман уже начал сучить лапами по земле,

когда нам с Вовкой удалось за ошейник оттащить Шаха в сторону. Туман остался лежать на земле, тихонько поскуливая. Шах почти сразу успокоился, улеглась шерсть, но мы на всякий случай увели его в конуру и закрыли. А сами вернулись к Туману. Тот ещё немного полежал и, пошатываясь, побрёл к калитке. Вовка вперёд забежал, открыл её и выпустил собаку. Туман ещё немного прошёл и в пыль улёгся на дороге. Дышит тяжело. Ничего себе Шах его отделал! Мы хоть и гордились своим псом, но и Тумана жалко стало. Нельзя же до смерти драться. Мы всё это Шаху рассказали. А он лежал и на нас смотрел, как будто всё понимал, но согласиться не мог. У них, у собак, наверное, свои законы – звериные. Раз ты первый начал, так и получай за всё по полной. А Туман начал первым: Шах к нему не приставал.

Вечером к нам пришёл Ревякин. Ему кто-то рассказал, что Шах порвал Тумана. Вот и пришёл к маме ругаться. А мама позвала нас и спросила, как было дело. Мы всё по-честному рассказали. Но Ревякин всё равно сильно ругался и грозился Шаха прибить. Тогда мама сказала, чтобы он уходил из нашего дома. Нечего приходить и ругаться, если всё было по справедливости. Надо лучше за своей собакой следить. Так они и поругались.

Мы с Вовкой ушли в наш сарай и стали обсуждать драку. Потом Вовка говорит:

– Теперь за этим Ревякиным следить надо. А то он нашего Шаха запросто прикончит. Видал, какой он с собой топорик носит?

– Не посмеет, – не согласился я. – Его Шах быстрее прикончит.

– Всё равно, – возразил Вовка, – нехороший человек твой сосед. Ну, подумаешь, подрались собаки. Чего теперь ходить и ябедничать?!

А кто его знает, зачем? Попробуй пойми этих взрослых. Но мы этим же вечером зарыли лаз под калиткой и укоротили у Шаха цепь: во двор сосед зайти не посмеет, а больше к Шаху у него доступа не будет!

ЧЕТВЁРТЫЙ ПОДВИГ ШАХА

Санька со своей мамой отправились в санаторий, и мы остались втроём: я, Вовка и Шах. Посёлок почти вымер: кто в отпуск уехал с родителями, кто в пионерский лагерь, кто к родственникам.

Делать было решительно нечего. Жара стояла несусветная. И мы пропадали в Витиме. Даже рыба не ловилась – казалось, что она вся ушла на глубину, чтобы там, в холодной проточной воде, отоспаться. С утра, выпросив у матерей по куску хлеба с маргарином и свистнув Шаха, мы мчались на берег реки. Недалеко от моего дома на Витиме была небольшая, но очень

замечательная песчаная бухточка. Слева её ограждал каменный мыс под названием Бычок, который вдавался далеко в реку, а справа стрелка Второго острова. Вода здесь всегда прогревалась, течения почти не было. И все пацаны обычно купались как раз тут. Кто постарше – мужики и взрослые парни, – любили купаться по другую сторону Бычка. Там была стремнина и большая глубина. Можно было нырять с самодельной ныряльки. И выныривать уже далеко-далеко: течением пловца быстро утаскивало вниз по реке.

Прежде чем купаться, мы перебрались вброд на Второй остров и стали искать стрелки молодого дикого лука. Вовка наткнулся на семейство саранок и мы нарыли корешки цветов, которые жаренные на костре, были вкусным дополнением к чёрному хлебу с маргарином и крупной солью. Они напоминали картошку, только чуть сластили. Их можно было запросто есть и сырыми. Тоже ничего себе на вкус. А ещё корешки этого цветка здорово помогают при порезах. А уж ноги мы резали за лето много-много раз.

Накопав корешков и нарвав пучков лука, мы устроились под раскидистой черёмухой с ещё зелёными ягодами и приступили к завтраку. Шах, между прочим, был всегда недоволен нашей едой: лук он не ел, от саранок нос воротил, а хлеба нам и самим мало было. Поэтому он удирал от нас и мчался в росший рядом лесок. Гонять белок и бурундуков. Между прочим, бурундук кусается страшнее собаки. Прошлым летом мы с Вовкой

вздумали поймать бурундука в школьный зооуголок. Заранее присмотрели в лесу место, где бурундуки часто бегали, набрали кедровых орешков и пошли охотиться. Мы чего придумали? Нашли пару пеньков, на которых можно сидеть, проложили к ним дорожку из просыпанных орешков и уселись на пенёчки. В ладошки тоже набрали орехов. Это чтобы, когда бурундук найдёт нашу тропку, он шёл по ней и утыкался в ладонь с орехами. Тут его за шкирку и лови.

Затаились мы, ждём. Зверушка не заставила себя ждать. Сначала бурундук вспрыгнул на поваленное дерево. Оглянулся. Почесал брюшко лапкой, подёргал носиком и мелкими перебежками стал приближаться к дорожке из орехов. Потешно за ним было наблюдать. Найдёт орешек, возьмёт передними лапками и себе за щёки. Да так быстро, что щёки раздуваются как мячик. Он же не ест всё сразу, оставляет про запас. Через пять минут у него щёки стали шире мордочки. Он сел на хвостик, оглянулся и мгновенно скрылся в буреломе.

– Всё! Убежал! – вздохнул Вовка. – Больше не придёт. Много орехов мы насыпали.

– Придёт! – уверено ответил я. – Бурундуки запасливые. Скоро же осень. Вот он в своё гнездо и таскает запасы.

Не успел я ответить другу, как зверёк появился снова. И прямиком на ореховую дорожку. Так он путешествовал ещё три раза. И, наконец, почти вплотную приблизился к моей ладони. Ещё каких-то парочку сантиметров. Я затаил дыхание, показалось, что вообще перестал дышать. Вот острые коготки коснулись моих пальцев. Бурундук поднял голову, посмотрел мне в глаза, схватил очередной орешек и ловко засунул его себе за щеку. Потом зверёк почти полностью сел мне на ладонь.

Пора!

Я резко сжал ладонь, пытаясь ухватить бурундука за шею. Лучше бы я этого не делал!!! Зверушка мгновенно впилась зубами мне в ладонь между большим и указательным пальцами. Я завизжал на весь лес и со всей силы махнул рукой. Бурундук по дуге улетел куда-то в лес, а я свалился с пенька. Мне показалось, что из ранок на ладони хлестал настоящий фонтан крови. Ну и зубы у этого зверя! Он прокусил ладонь насквозь!

Вовка с выпученными от страха и непонимания глазами подскочил ко мне.

– Серый, ты чо бурундуками кидаешься?! – испуганно спросил он.

У меня слёзы на глаза навернулись – больно ужасно. Зажал руку между коленей, сел на мох и как китайский болванчик качаюсь, слово вымолвить не могу. А кровь между пальцами так и капает. Потом с Вовкиной помощью перетянули мне ладонь носовым платком, да и пошли домой. Не солоно хлебавши. Но запомнили на всю жизнь – не зная броду, не суйся в воду. Интересно, а что запомнил бурундук?

В общем, пообщались с живой природой…

В тот день на реке народу вообще почти не было. Шах, устав шлындать по кустам, забрался по самую шею в реку и стоял там, высунув длинный красный язык. Вообще, с ним классно купаться. Мы ещё плавать как следует не умели, разве что по-собачьи, подгребали руками под животом и безумно хлобыстали ногами по воде. Но могли ухватить Шаха за хвост и проплыть с ним несколько метров. Правда, собака стремилась утащить нас по очереди на глубину. Но это мы сторожили – как только ноги переставали доставать дно, тут же разворачивались и, поднимая фонтан брызг, плыли как могли к берегу.

Вовка наделал бутербродов из хлеба с маргарином и дикого лука. Посыпал солью. Только хотели перекусить, как появилась Светища. Ей тоже надоело на крыше веранды книжки читать. Решила искупаться. Присела рядом с нами и с ходу хапнула у Вовки его бутерброд.

– Не жадись! – буркнула она Вовке, хотя тот даже ещё и рот открыть не успел. И стала жевать. В это время на берегу появился Андрюха Попов, который перед собой катил огромную надутую камеру от грузовика. Вот это да! Вот это здорово! Можно будет на ней плавать, как на спасательном круге!

Вовка, увидев камеру, заорал «ура!» и помог притащить «спасательный круг» к нашему шалашу.

Мы угостили Попова бутербродами. Он не стал отказываться. Поели мы быстро и начали спихивать камеру в воду. Шах крутится рядом, солнце сияет, река тёплая

и белый песок. Простое человеческое счастье – что ещё нужно летом?

Спихнули мы камеру на воду, уселись на бортики и только хотели отчалить, как Светища запросилась к нам. Ей, видите ли, тоже захотелось прокатиться! Почему бы и нет? Мы потеснились, и Светка уселась рядом с Вовкой. Шах недовольно носится по берегу – ему-то места нет?!

Попов оттолкнулся от берега подобранной на песке веткой, и камера плавно закачалась на воде. Блаженство! Сверху солнце палит, ноги в прохладной воде, грести не надо – течение потихоньку вращает наш «корабль», и мы плывём себе и плывём. Шах, увидев, что мы уплываем, смело ринулся за нами. Загребает лапами, а Светища его ещё и подманивает за собой. Так мы блаженствовали очень долго. Камера крутилась почти на одном месте, не удаляясь далеко от берега: я ж говорю, течения в заводи не было почти никакого.

В это время снизу по реке, из-за мыса вырвалась моторка. Она пронеслась мимо нас метрах в десяти, и Вовка заорал нашу с ним любимую песню про «Варяг»:

Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая,
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая.

Я подхватил было, но тут камеру ощутимо подкинуло на волне и я чуть не кувыркнулся с бортика. «Вот было бы дело!» – подумалось мне, и я судорожно попытался

ухватиться за скользкую резину. И тут случайно взглянул на Светку. Глаза у неё были как блюдца, и рот начал открываться в предстоящем крике. Не успел я подумать: «Чего это она?!», как Светка закричала:

– Мамочка моя, мамочка!!!

Орать было отчего. Волна от моторки, ударившись о каменные ребра мыса Бычок, вернулась к нам, и камеру одним рывком вынесло на течение! Она тотчас набрала скорость, и нас понесло прямо к водоворотам, которыми так славился каменный мыс. Каждый из нас знал, что в этих воронках утонуло немало местного народа. Кто пьяный, кто сдуру. И наш «корабль» неумолимо нёсся к бурлящим кругам на воде.

Мы пропадали! Совершенно точно и бесповоротно. Кричать и звать на помощь было бесполезно – посёлок пустой, на берегу ни одной живой души. Мне казалось, что пальцы мои впились в тугие и скользкие борта камеры. Сердце остановилось, а в голове билась одна мысль: «Ну, всё! Ну, всё!»

И тут раздался Вовкин крик:

– Шах! Шах!!! Ко мне!!!

Я осторожно оглянулся, боясь сдвинуться хоть на миллиметр. Оказалось, что мы про Шаха забыли, а он про нас – нет! Ему надоело догонять нас вплавь, и он выбрался на берег. И теперь нёсся за нами во всю прыть, грозно при этом лая, будто ругая нас. Он выскочил на мыс Бычок и с разгона прыгнул в воду. В самый водоворот. Несколько секунд его даже не было видно.

– Утоп! – всхлипнул Вовка. Но вдруг голова собаки появилась из воды, и Шах сделал несколько судорожных гребков лапами. И снова скрылся под водой, которая крутилась винтом. Наша камера слегка накренилась, её потащило к центру водоворота. В это время вынырнул Шах. И головой так шандарахнул в борт камеры, что мы все чуть не слетели в воду. Не знаю, какие усилия потребовались псине, чтобы вырваться из воронки. Наверное, его просто раскрутило под водой и вынесло на поверхность. А тут сверху наш «корабль». Удар его морды в камеру спас нас. Получилось так, что в тот момент, когда камера хотела скользнуть в водоворот и начала движение по кругу, Шах ударом своей башки придал нашему «кораблю» дополнительную ско-

рость. И мы просто вылетели из воронки на обычное спокойное течение.

– Снимай майку! – продолжал командовать Вовка. Это он орал уже на Светищу. Та не поняла зачем, но сдёрнула её мгновенно. Хотя и стеснялась уже ходить при нас полуголой. Я не понял – зачем Вовке майка? С ума он сошёл, что ли?! А Вовка снова стал звать Шаха. Тот подплыл совсем близко к камере, и Вовка сунул ему майку в пасть:

– Вези Шах! Вези миленький! – стал просить мой друг собаку. – Тащи на берег!

И умный пёс всё понял!.. Вцепившись клыками в Светкину майку, Шах начал буксировать нас к далёкому берегу.

– Помогайте! – тут уже закомандовал Попов и, свесившись через бортик, стал подгребать руками.

Мы со Светкой тоже перегнулись к воде и кое-как начали помогать.

Сколько времени прошло, я не помню. Помню только тот восторг, когда ощутил под ногами дно…

Мы лежали на песке и плакали от пережитого страха и радости спасения. А рядом сидел наш верный Шах и грустно смотрел вдаль, на медленно уплывающую камеру – никто из нас не подумал о ней после того, как вылезли на берег…

Потом Шах зевнул, отряхнулся и подался по своим делам. Он так и не понял, что совершил свой очередной подвиг!..

Шахматное семейство

Шах стал уже совсем взрослым кобелём. И мама теперь привязывала его постоянно на цепь, чтобы он не хулиганил и не рвал соседских собак: он не прощал никому высокомерного к себе отношения. И поэтому любой взгляд в его сторону от чужих псов для него означал вызов на бой. Что и случался тут же. Без лишних собачьих разговоров.

Но иногда Шах рвал цепь или ошейник и удирал со двора по своим псовым делам просто так. Он мог носиться целый день неизвестно где и неизвестно с кем. Мы иногда определяли его место только по внезапному шуму очередной битвы: опять Шаху кто-то не понравился. Тогда мы мчались на место драки и уволакивали упирающуюся собаку во двор. При этом нещадно его ругая – нельзя же быть таким драчуном.

И вот однажды Шах нас снова здорово удивил!

Сидели мы на крыльце и соображали: что бы такого придумать? Заняться было нечем.

Разве что сходить в лес да коры лиственичной набрать, серы наварить. На том и порешили.

Хотели Шаха с собой позвать, а его на дворе не оказалось – сбежал куда-то. Посвистали его. Тишина. Умчался по своим делам.

Только вышли из калитки, смотрим – летит наш пёс. Лишь пыль столбом за ним. Подскочил к нам, навернул два круга и в ноги тыкается. Потом отбежал на несколько метров, остановился и на нас оглядывается. На морде отчётливо видно нетерпение: мол, чего стоим? Пошли!

Куда это идти?! Нам совсем в другую сторону, в лес. А Шах ещё и рявкает на нас нетерпеливо!

И мы повернули за Шахом. Так и шли: пёс отбежит на десять метров, останавливается и поджидает нас. Потом дальше топаем.

Привёл он нас в заросли стланика, что рос на опушке Блиновки, пригорка в посёлке. Сначала мы не поняли – чего мы тут не видели? Заросли как заросли.

А потом!..

Около выгоревшего во время прошлогоднего пожара пня лежала на боку Жулька. А рядом, утыкаясь носами в живот, копошились… пять маленьких пушистых щенят!

– Ребя! Вот это да-а-а! – заорал Вовка и кинулся к Жульке. Та недовольно повернула морду в нашу сторону и громко зарычала. Даже наш Шах неодобрительно гавкнул на Вовку.

Это была собака Шатохиных, которая пропала почти месяц назад. Валерка Шатохин долго искал свою псину: она просто ушла со двора. Мы даже переживали за него, потому что представить не могли, как бы у нас вдруг пропал Шах.

В посёлке все называли собаку просто Жулька. А Валерка Шатохин звал её Джульеттой. Честно говоря, ничего особенного Жулька из себя не представляла.

Обычная дворняга. Где-то в родове у неё, похоже, был кто-то из овчарок, потому что морда породистая. Но телом и статью – обычная шавка.

Шавка шавкой, а щенятки были просто замечательными!

– Тише, тише, миленькая! – забормотал Саня и присел возле Жульки. – Какие холосенькие! – засюсюкал Санюра. – Какие лапушки славненькие! – и погладил одного щенка по голове. Тот оторвался от матери, поднял свою пушистую голову и уставился на неведомое для него существо, мешающее принимать пищу. Тут и мы с Вовкой уселись на корточки и начали гладить щенков. Жулька внимательно оглядела всех нас, подвигалась всем телом, отряхивая щенков с себя, потом встала и потрусила куда-то.

На хозяйстве остались мы и Шах. Тот немедленно плюхнулся на землю возле весёлой компании, и щенята, пошатываясь и спотыкаясь, пошкандыбали к нему. Они сначала тыкались носиками в Шахово пузо, но, не найдя требуемого, затеяли возню между собой и довольным Шахом. Щенки ползали по нему, кусали уши псу, а тот осторожно отмахивался лапами. Потом щенята стали бороться друг с другом, потешно теребя хвосты и кувыркаясь через голову. Мы зачарованно наблюдали за ними.

А Шах продолжал блаженствовать.

– Пацаны! – внезапно зашептал Вовка. – А ведь, похоже, это шаховские дети! Он нас сюда приволок

познакомить с ними. Вишь, какой довольный и гордый?! Папаша!

Точно! Так оно и есть. Скорее всего, Шаху не терпелось похвастаться своим потомством. Перед кем ещё хвастаться-то?! Вот он и позвал нас, когда Жулька разрешила: щенки уже подросли, не опасно. А сейчас он играл со своими детьми, чтобы мамка сходила по своим делам, покушала. И ей спокойно – дети под присмотром и Шаху весело. И нам тоже.

Мы загордились нашим псом. Разобрали щенят на руки и тут же установили, что все рыжие – мальчики, а серые две – девочки! В маму.

Тут и мама вернулась. Щенята бросились к ней, но Жулька не торопилась кормить их. Она села рядом с развалившимся Шахом и сверху вниз рассматривала своих детёнышей, ленивым движением лапы иногда отодвигая особенно настырных. Она отдыхала. Щенята недовольно повизгивали, не понимая такого поведения матери. Потом они примостились под боком у Шаха, поворочались и засопели – умаялись играть. Жулька тут же легла поодаль, положила морду на передние лапы и стала смотреть куда-то вдаль, думая свои собачьи думы.

И мы задумались – что нам делать с таким кладом? Куда девать малышей? Домой щенят нам точно не разрешат взять: у меня есть Шах, Санюрина мама почему-то терпеть не может домашних животных, у них даже кошки нет. У Вовки тоже всё под большим вопросом.

– Давайте Валерке расскажем, что Жулька с детьми нашлась, – предложил Саня. – Пусть он думает, что с ними делать.

– Ага! – возразил Вовка. – Будет он тебе думать, как же. Бросит в лесу, и всё. А во-вторых, это шаховские дети. Самим думать нужно.

Вовка был прав – дети Шаха, а значит, мы должны ему помочь. Недаром он нас позвал познакомить со своим семейством. Думала же собака о чём-то?

Проблема была неразрешимой.

Для начала мы придумали сделать шалаш, где Жулька с детьми могла бы прятаться от дождя и солнца. Это было проще простого. Вовка побежал домой за топориком. А мы с Саней пока рвали траву на подстилку. Собаки поглядывали на нас, но не вмешивались – наверное, понимали, что мы не в игры играем.

Вскоре застучал Вовкин топор. Он рубил молодые осинки, чтобы сделать остов шалаша. Правда, сначала он размахнулся так, что шалаш должен был получиться размером с хорошую избу. Санька ему быстро пояснил, что чем меньше будет размер шалаша, тем теплее будет в нём Жульке и щенкам.

Сверху осинок, составленных в ряд в виде буквы «Л», мы накидали лапник от стланика. Потом натрусили побольше травы в шалашик, чтобы щенячья постель была помягче. Затем Вовка осторожно, косясь на мамашу, взял на руки самого большого рыжего щенка и аккуратно перенёс в построенный домик. Жулька поко-

силась на Вовку, но ничего «не сказала». А даже наоборот: встала, выгнула спину, потянулась, отряхнулась и… вошла в шалаш! И развалилась там, выставив свои соски на всеобщее обозрение. Мол, «где вы там, обедать пора»!

Мы обрадовались и по очереди перенесли малышей к мамке. Они тут же заёрзали, зачмокали, отпихивая друг друга. И потом затихли. Слышно было только чмоканье и дыханье засыпающей Жульки.

– Пошли отсель, – прошептал я. – Пусть отдыхают!

И мы тихонько тронулись в обратный путь. Шах поднялся, обнюхал шалаш, поглядел на спящее семейство и побежал за нами.

Вот так у нас и появились свои «шахматы», как, смеясь, сказала мама, когда мы ей рассказали про детей Шаха. Днями мы пропадали в лесу, играя со щенками, на радость Шаху и Жульке, ведь они могли теперь тоже бегать по своим делам, оставляя детей под нашим присмотром. Так мы и жили остаток лета. К осени щенята окрепли и незаметно влились в общую стаю поселковых собак. Жаль только, что отца своего, нашего Шаха, они быстро забыли…

ПЯТЫЙ ПОДВИГ ШАХА

Шах уже совсем в настоящую большую собаку превратился. Грудь широкая, лапы почти как у меня ладонь. Его все собаки в посёлке стали уважать, хотя он и редко бывал на улице. Только иногда, когда рывком скобу из конуры вырвет да через забор махнёт. Зимой это ему вообще запросто было делать – снегу почти до верхушки штакетника. Тогда собаки сразу врассыпную от него. В общем, настоящим Шахом среди собак стал. И всех невест поотбил…

Перед Новым годом надумали мы с Вовкой из Шаха ездовую собаку сделать. Прицепили ошейник, к нему

две верёвки, а верёвки эти к санкам. И стал таскать нас Шах не хуже заправской лошади. Он и двое санок утаскивал. Тогда мы все втроём катались – Санька, Вовка и я. Кстати, это Санька идею подкинул. Он в книге вычитал про ездовых собак и картинку нам приволок, как собаку запрягать. Вот мы и стали по руднику гоняться. За нами другие пацаны начали собак запрягать, да куда им до Шаха!

Однажды Санька заболел, и мы с Вовкой решили покататься на Шахе, каникулы же, чего нам сидеть. День солнечный, небо синющее, снег искрится, хрустит сам собой.

Запрягли Шаха в санки и понеслись. А где лучше всего кататься? Конечно, на речке. В посёлке разве разгонишься? То машина, то лошадь, то кошка через дорогу рванёт. А Шах хоть нашу Аньку и любит, от чужих кошек просто звереет – с ним можно и в забор вляпаться с разгону.

Свернули мы на Витим. Летим, радуемся жизни, от радости песню орём, любимую:

– Наверх вы, товарищи, все по местам.
Последний парад наступает!
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает…

Мы эту песню с Вовкой часто в красном уголке исполняем. Дядя Витя, киномеханик, нас всегда с Вовкой на кино пускает. Когда он меняет бобины с

плёнкой, минут пять, дядя Витя нас на лавку поставит и говорит:

– А сейчас известные певцы Вовка и Серёга исполнят любимую песню про «Варяга».

И мы с Вовкой исполняем её. Мама говорит, что никакого слуха у нас вообще нет, но зато орём с душой и очень громко. Всем нравится. Так каждые выходные в клубе и становимся артистами.

Вот орём мы и орём песню, вот уже и Витим, и снег из-под санок в лицо. И красотища кругом. А Шах из-за нашей песни всё шибче надбавляет. Таким галопом летим, что дух захватывает!

Потом смотрим – мама моя впереди появилась. Обрадовалась нам, бежит навстречу, руками от радости размахивает. Ну, ещё б не радоваться, когда два таких героя летят как на тачанке.

Подлетели мы к маме, а она нас обоих с Вовкой схватила почему-то в охапку и сорвала с санок. Я так об лёд головой треснулся, что взвыл. И на маму рассердился – чего это она так?!

Сел на лёд, шапку ищу, шишку на голове тру и вдруг вижу, что Шаха нет, а впереди какая-то яма и в ней вода. Откуда тут яме взяться? И мама у этой ямы колготится. Вовка тоже ничего не понял. Мы к маме подбежали посмотреть – что она у ямы делает? Подскочили, смотрим, а это не яма никакая, а вовсе прорубь. Воду брать да бельё полоскать. И мама оттуда Шаха вытаскивает. А санки – в проруби. Тут мне нехорошо стало.

Я прямо где стоял, там и сел. И Вовка рядом шлёпнулся. А мама отцепила от Шаха верёвку и нас давай пороть. И приговаривает что-то. Плачет и приговаривает, плачет и приговаривает. И порет.

Уже дома она рассказала, что ходила на речку полоскать бельё. Сидит, простыню отжимает, вдруг слышит нашу боевую песню. Оглядывается, а Шах прямо на неё летит во весь опор. Мы-то думали, что он от песни пуще понёсся. А это он маму увидал и к ней рванул. Мы же ничего не глядели, ездой наслаждались. Так бы и въехали в прорубь. Хорошо, что мама не растерялась – навстречу побежала. Успела нас с санок сорвать. А

Шах затормозить не успел и прямо в прорубь бахнулся. У меня до сих пор мороз по коже, как вспомню. Не, пусть лучше мать каждый день порет, чем налимов кормить.

А на речку кататься мы больше не ездили.

Как дикий зверёк из меня человека делал

Мама пожаловалась, что к нам на веранду, в кладовку, повадился какой-то зверь. И жрёт наши зимние припасы. Зверёк небольшой, ест мало, но портит много.

Мы со Светкой пошли посмотреть. И обнаружили, что зверёк прогрыз ящик с брусникой – мы всегда собирали много ягоды и ссыпали её в фанерный ящик. Туда вёдер десять запросто входило. Зимой она смерзалась напрочь. Мы наламывали себе по миске ягоды, выпрашивали у мамы банку сгущёнки, заливали бруснику, добавляли снег, и у нас получалось ягодное мороженное. Так то мороженое в жизни мы видели редко. Только когда мама ездила по делам на базу и привозила в стаканчиках пломбир. У нас в посёлке мороженое почему-то не продавалось. А ещё мы любили набрать ягоды в карманы фуфайки и ходить в кино. Сидишь, кино смотришь, а сам из кармана ягоды таскаешь.

Так вот этот зверёк прогрыз ящик и таскал себе ягоды. А ещё он погрыз мясо куриц, что мать купила и развесила под стрехой кладовки. Погрыз и мешок с мукой. Да многое чего ещё.

Светища сразу решила, что это обыкновенная мышь. Но я не слышал, чтобы домашние мыши ели ягоду. Она ж кислая? Муку куда ни шло. А ягода вызвала сомнения.

Я оделся потеплее, кликнул с собой Шаха, и мы пошли на разведку. В огород. Потому что я решил, что зверь мог приходить только оттуда. Не по крыльцу же он, через веранду, в гости по ночам ходит?

В огороде чистый белый снег. Словно лист тетрадки. На нём любой след останется. Обошли мы с Шахом вокруг кладовки всё. И видим: вот они, следы звериные. Две тонкие строчки. Будто кто-то на маминой машинке простыню сшивал. Из снега. Таких следов мы ещё не видели. Заячьих сколько угодно. Мелкие стежки мышей-полёвок знаем. Знаем, как ворона или сорока по снегу ходит. Даже лисий след мне мама показывала. А этот какой-то непонятный. А если след непонятный, значит, мы не знаем, кто это. А если не знаем, кто это, то как ловить?

Я сбегал домой за тетрадкой и карандашом и срисовал каждый следок: получилась красивая картинка. Одна лапка у зверя идёт чуть вперёд, вторая её как бы догоняет. И от задних лап такой же получается отпечаток. Между следами почти тридцать сантиметров: я

карандашом измерил. Зверёк не бегает как собака, а прыгает. Отсюда и такая ровная строчка. Потом заметил, что за задними следочками будто ложбинка в снегу намечена.

– Ага, – подумал я, – эта зверушка с длинным хвостом. А кто у нас с длинным хвостом? Соболь!

Вот так номер! К нам в кладовку соболь повадился! Да это ж можно как заработать, если его поймать?! У нас в посёлке, бывало, охотники ловили живых соболей. В силки. И сдавали в зверопромхоз. Мама говорила, что больше ста рублей зверёк стоит! Четыре велосипеда купить можно!!!

Я помчался в дом сообщить новость маме и Светке. Вот они обрадуются!

Но мама остудила мой пыл сразу. Сказала, что соболь хищник, что ему в лесу рябчиков и мышей хватает. Да и осторожный он – в дом к людям не полезет. Похвалила меня за то, что я срисовал следы на снегу, и посоветовала найти их в энциклопедии.

Я вытащил книгу из шкафа и уселся на диван. Искать название зверушки. Светка потеряла всякий интерес ко мне и занялась своими девчоночьими делами. Шах прокрался ко мне в комнату и устроился рядом на диване. Положил башку на валик, глаза вроде прикрыл, а сам ушами стрижёт: мать его днём шугает к двери. Это ночью он фон-барон, на диване спит. Нас за это часто соседи ругали: что за пёс, который в доме живёт?! Неженка. Но нам Шаха было ещё жалко. Молодой. Мама пару раз послушала соседей, оставила пса на улице, так на него без слёз смотреть нельзя было. Весь в куржаке, усы сосульками повисли, дрожит. Лапы под себя подбирает. Мать тут же сжалилась. И с тех пор Шах зимует с нами.

Я, наверное, часа два листал книгу. Во-первых, трудно искать то, не знаю что. Во-вторых, энциклопедия очень интересная сама по себе. То и дело я начинал читать какую-нибудь заметку, забывая, зачем, собственно, листаю книгу. И тут наконец-то наткнулся на следы, похожие на те, что я сам нарисовал. Заметка называлась «Горностай».

– Мам, нашёл! – крикнул я. – Иди смотри! Это горностай к нам ходит!

Мама вошла, вытирая руки о передник.

– А что, вполне может быть. Горностай – зверёк хитрый, смелый, никого не боится. Вполне, вполне, – мама присела на уголок дивана, легко сталкивая Шаха на пол. Тот было хотел рыкнуть, но вовремя осёкся – он уже давно познакомился и с мокрым полотенцем, и с половой тряпкой, и даже со шваброй. И это ему, наверное, не сильно нравилось. Поэтому он обиженно посопел, попереминался с лапы на лапу, да и поковылял на кухню.

Мы прочитали всю заметку о горностае. О его повадках, аппетитах. О том, что из его шкурок шьют мантии для королей. Но там не было ни слова о том, как его

ловить. Зато отмечено, что он ест полевых мышей. Тут мама и говорит:

– Вы заметили, что у нас в кладовке мышей не стало? Я ещё думала: куда они подевались? Не наш ли горностай их отвадил?

– Запросто, – говорю я, – мог. А его-то самого как отваживать? Он все запасы у нас поест.

Мама почесала мизинцем бровь.

– Хороший вопрос, Серёжа. Но тут я плохой советчик. Может быть, подождём деда Савелия?

Ой, про него-то я совсем забыл! У меня же есть дед, настоящий охотник. Прошлой зимой приходил к нам. На лыжах! На таких широких, специальных, шкурой обитых. Чтобы по снегу не скользили назад, когда в горку идёшь.

Два дня дед у нас гостил. Учил меня всяким охотничьим премудростям. И так интересно рассказывал про свою работу: как он зверей ловит, как в зимовье зимой живёт, какие бывают волки и медведи. Когда книжку читаешь, не так интересно, слушать лучше.

И я вспомнил, что дед показывал, как ловушки делать на мелкого зверя. Он даже в тетрадке мне схему нарисовал.

Я кинулся в комнату, где мы со Светкой жили, и стал рыться в своём столе в поисках той тетрадки. Нашёл!

Стоило мне взглянуть на схему, как я тут же всё вспомнил. Потому что устройство очень простое. Берутся две узкие дощечки. В каждой вырезаются до

середины толщины дощечки пазы. Так, чтобы, когда дощечки складываешь этими пазами друг на друга, получалась длинная дощечка одной толщины. Она и называется плашка. Затем берётся ещё одна палочка (дед называл её поводок), длиной сантиметров тридцать, и в ней вырезается неглубокая выемка по толщине плашки. Снасть готова! Теперь нужно поводком соединить плашки, а на верхний конец ловушки положить тяжёлое брёвнышко или полено. На кончик поводка крепится приманка. Зверушка дёргает приманку, палочка соскакивает, плашки как бы переламываются и падают. За ними падает бревно и стукает зверька по голове или по спине. Вот тебе и добыча! Никаких капканов не нужно. Дед Савелий учил, что сначала надо по лесу побродить, посмотреть, где зверёк часто ходит. Он себе, как человек, тоже тропинки нахаживает. Кому же

охота каждый раз по целине прыгать? Вот на этой тропинке и ставят снасть.

Дело оставалось за малым: теорию претворить в практику. Весь вечер на кухне я готовил снасти. Потрескивала печь. Тихо играло радио. Мама готовила ужин, а Светка чего-то вышивала, усевшись с ногами на стул. Я сидел на низенькой скамеечке у дверки печи и строгал дощечки. Рядом устроились кошка Анька и верный Шах. Было тепло и уютно. И мне представлялось, как я поймаю горностая.

С первого раза у меня с плашками не получилось. То они подламываться не хотели в пазах, то полено сваливалось, то вообще непонятно что получалось. Мама несколько раз предлагала перенести всё изготовление на завтра, потому что «утро вечера мудренее». Но я упорно строгал. Делал и переделывал. И сделал! Ловушка работала безотказно!

– Вот! – гордо сказал я и показал маме, как ловко срабатывает хитрый прибор. Полено с грохотом упало тогда, когда ему было положено падать. Анька, или недовольная грохотом, или подозревая, что я могу её в подопытные определить, подняв хвост, смылась к маме в спальню. А мама похвалила меня за упорство.

Назавтра мы с Шахом собрались на охоту. Лыж, как у деда Савелия, у меня не было. А снега тогда навалило много. Поэтому я натянул сверху валенок брюки, чтобы снег не попадал, зацепил Шаха за ошейник верёвкой, и мы пошли в тайгу через огород, по следам горностая. Вернее,

побрели. Бедный Шах проваливался до пуза, но упорно рвался вперёд. Он очень любил гулять. Денёк выдался на славу: ярко-голубое небо, морозец и безветренно. Дымы от печных труб прямыми столбами подпирали небо. Нам было весело вдвоём, и мы предвкушали удачу от охоты.

Перебравшись через тын, прошли метров сто и решили с Шахом, что этого хватит. Стёжка следов была хорошо видна. Она и вправду была похожа на тропинку. Горностай не мудрил – ходил к нам, как к себе домой, одной дорогой. На ужин и на завтрак. Когда дома никого не было, а Шах дрых на диване.

Начав устанавливать ловушку, я сообразил, что не взял с собой никакого полена. Нам с Шахом пришлось долго бродить по лесу, чтобы под глубоким снегом найти что-нибудь подходящее. Шах рыл носом снег словно бульдозер. Он не понимал, что я ищу, но видел, как порой разрываю снег. Вот он и стал мне помогать.

Наконец, нашли торчащий обломок неизвестного происхождения. Метра полтора в длину. Тяжёлый. Приволок я его на место ловли. Кое-как настроил плашки: дома было легче, потому что и теплее, и руки не стыли, да и полено не круглое, с плашки не соскальзывало. Приманку я сделал вкуснейшую – спёр в кладовке куриную лапку. Потому что в энциклопедии было написано – горностай любит птиц и мышей. Мышей у меня не было.

Собрались мы домой идти. Огляделся я, а вокруг горностаевых следов наших с Шахом – как слон натоптал! Какой уважающий себя зверь теперь по тропинке

пойдёт?! Пришлось обломить ветку стланика и замести следы за собой. Получилось в лучшем виде. Словно тут никто и не бродил.

Утром следующего дня мы пошли проверять ловушку. Она была пустой! Я даже расстроился. Проверил плашки, приманку. Всё было сделано правильно.

Точно такой же «улов» ожидал нас и на второй день.

На третий день пошёл снег, и мы с Шахом не проверяли ловушку. Да и следов в огороде не стало.

А на четвёртый день под рухнувшей корягой мы увидели… сидящего горностая!!! Живого и невредимого. Заметив меня и собаку, горностай встал в боевую стойку и зашипел как змея. Шах оторопел, да и я тоже! Маленький да удаленький зверёк! Тут горностай перешёл на другой «язык»: сначала зачирикал как синица, а потом два раза пролаял!!! Почти как Шах, когда тот был малым щенком. Надо было видеть Шаха! Он сел себе на хвост и крутил головой. Как так? Какой-то мелкий зверь осмеливается на него тявкать?! И Шах рявкнул в ответ. Да так, что горностай чуть не подпрыгнул: голос у Шаха был будь здоров.

Меня любопытство разобрало: почему горностай не убегает и почему его не придавило бревном?! И ещё возник вопрос: что делать дальше?

Обойдя вокруг ловушки под пристальным взглядом зверька, я всё понял! Понял, почему горностай не убегает, почему он подпрыгнуть не смог от лая Шаха. Бревно исправно сработало, когда зверёк потянул на

себя приманку, и рухнуло, как положено было. Однако горностай оказался проворным и увернулся. Но не успел убрать хвост! Вот его-то и придавило. И попал бедный зверёныш в нашу простую ловушку.

Шах уже начал злиться. Он не понимал, почему это мелкое животное явно его не боится и не обращается в бегство. Собака припала на передние лапы, которые под тяжестью массивной головы немедленно провалились в снег. Шах мордой, по самые брови, окунулся в белый покров. Это было уморительно. Горностай лаял, крутясь на одном месте, а Шах принялся носиться вокруг, тряся заснеженной башкой.

Но надо было что-то предпринимать. Я уселся на торчавший неподалёку берёзовый пенёк и некоторое время наблюдал за атаками Шаха на горностая. Мне стало жалко этого красивого и смелого зверька. Но я не знал, что делать. Вспомнилось, что говорил дед Савелий: если тебе звери для жизни, для пропитания не нужны, не бей их! И одного зверька не бей – всё равно шапку не сошьёшь и богатым с одной шкурки не станешь. Зверя жалеть нужно!..

От этой мысли мне сразу стало легко и радостно. Я поймал верёвку, что была прицеплена к ошейнику Шаха, и подтянул псину к себе. Усадил рядом и говорю:

– Знаешь, Шах, давай отпустим его. Смотри, какой он смелый и замечательный. Мы его сейчас попросим, чтобы он больше к нам хулиганить не приходил, и отпустим. Зачем он нам? Как думаешь?

Шах поднял голову, глядя мне в глаза, словно пытался что-то понять. Потом снова гавкнул на горностая. А тот присел на задние лапки и настороженно смотрел на нас. Наверное, тоже кумекал: что эти два странных существа задумали? А я уже всё решил. Встал с пенька и поднял настрой, бревно наше. Горностая как ветром унесло. Он молнией взлетел на ёлку, что рядом росла, и сверху уставился на нас.

– Слушай, малой! – снизу сказал я строго горностаю. – Ещё раз у нас появишься, плохо будет. Понял?!

Постояли мы с Шахом, послушали, как стрекочет высоко на дереве отпущенный нами зверёк, да и пошли домой.

Дома я не стал ничего говорить о наших приключениях. Сказал только маме, что выследил горностая. А Светке предложил сделать горностаю кормушку в лесу. Зима, снега много, мышей ловить трудно. Вот он к нам и повадился. А если мы его будем подкармливать, то и зверю хорошо, и нам без ущерба. Тем более что он нам всех мышей извёл.

Светка обрадовалась, а мама улыбнулась и погладила меня по голове:

– Может, Серёжка, из тебя и не выйдет хороший охотник, но человек из тебя может получиться хороший.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Появление Шаха 3
Первый подвиг Шаха 9
Второй подвиг Шаха или как он заболел 15
Шах-мухолов 21
Шах и Машка 26
Третий подвиг Шаха или как он Тумана победил 40
Четвертый подвиг Шаха 46
Шахматное семейство 56
Пятый подвиг Шаха 62
Как дикий зверёк из меня человека делал 67

Евгений Хохряков

ШАХ И МАШКА

Редактор – Л.Ю. Саванжа

Корректор – Л.Е. Демидова

Верстка – М.Е. Хохряков

Художник – Н.Н. Валуев

Книга подготовлена к печати
ООО «Консалтинговое агентство «Бизнес ПР»

Печать офсетная.
Тираж 200 экз.
Подписано в печать 21.01.2018 г.